Бирюков Алексей Михайлович

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ (1970-Е – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)

В статье рассматривается геополитический аспект процесса американо-советской борьбы 1970-х – начала 1980-х гг. за мировое лидерство на примере столкновения комплекса интересов двух стран в регионе Ближнего и Среднего Востока. Рассмотрены т.н. "иранский" и "афганский" проекты, реализацией которых сверхдержавы планировали отстаивать свои интересы в регионе Персидского залива. Проанализированы геополитические интересы и других стран в указанном регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 33-37. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327(091)″20″
Исторические науки и археология

В статье рассматривается геополитический аспект процесса американо-советской борьбы 1970-х – начала 1980-х гг. за мировое лидерство на примере столкновения комплекса интересов двух стран в регионе Ближнего и Среднего Востока. Рассмотрены т.н. «иранский» и «афганский» проекты, реализацией которых сверхдержавы планировали отстаивать свои интересы в регионе Персидского залива. Проанализированы геополитические интересы и других стран в указанном регионе.

Ключевые слова и фразы: американо-советское противостояние; геополитическое соперничество; иранская революция; война в Афганистане; жизненные потребности; баланс сил.

Бирюков Алексей Михайлович, к.и.н., доцент
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
alexbrk@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ (1970-Е – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)©

Основным содержанием мировой политики второй половины XX века было противостояние двух «центров силы» – США и СССР, олицетворявших собой не только собственно государства, но и военно-политические блоки, ими возглавлявшиеся, и образ жизни, социально-культурные принципы, ими отстаивавшиеся на значительной части Земли. Соперничество шло на широком фронте и фактически сразу после Второй мировой войны приобрело геополитический характер. Так как ракетно-ядерное оружие «обнулило» роль географического пространства как преграды, противостояние сверхдержав быстро приняло вид борьбы во всех сферах и по всему миру.

Важно отметить, что и Москва, и Вашингтон, не уступая друг другу по важнейшим вопросам, достаточно быстро находили «общий знаменатель» по проблемам, допускающим политический компромисс. Так, США и СССР шагами и мерами, принятыми в период «холодной войны», дали понять друг другу о состоянии готовности пойти на раздел такого важного и чреватого новой мировой войной региона, как Европа, на сферы влияния. Вашингтон признавал право Москвы на контроль – и если надо, то жѐсткими мерами – за своей частью Европы, и наоборот. Как результат – весьма сдержанная позиция США в ходе антисоциалистических выступлений в Венгрии 1956 г. и Чехословакии 1968 г., и достаточно прохладная реакция СССР на перспективы левых преобразований середины 1970-х гг. в Испании и Португалии. Особняком стоит кубинская проблема, однако и еѐ возникновение (и обострение) можно увязать с проблемой Западного Берлина, своеобразного форпоста Запада на Востоке. Представляется вероятным, что США постепенно смирились бы с существованием «Острова Свободы» во главе с Ф. Кастро и под военно-политическим контролем Москвы, если бы Кремль не решил увязать вопрос о статусе новой, социалистической Кубы с вопросом о размещении ядерных ракет США в Турции у самых юго-западных границ СССР. В результате возник едва ли не самый опасный кризис в отношениях ядерных сверхдержав за весь период «холодной войны»; его итогом стало принятие обеими сторонами концепции «ядерного сдерживания», предполагавшей изменение подхода к ядерному оружию в принципе. Оно из наступательного стало оборонительным, из чисто военного средства превратилось в основной элемент переговорной политики мировых лидеров и в поле научно-технического соперничества.

Только во второй половине 1970-х годов система учѐта взаимных геополитических интересов начала давать сбои – так, интересы СССР (через Кубу) сначала проявились в Никарагуа, а затем и других странах Центральной Америки. Вашингтон болезненно воспринял резкое усиление влияния СССР в данном регионе и предпринял ряд ответных действий. Так, военным вторжением был уничтожен дружественный Кубе марксистский режим острова Гренада (формально – по просьбе Организации восточно-карибских стран). Затем Вашингтон в ответ на стратегическое приближение СССР к своей территории начал предпринимать активные политические действия непосредственно у советских границ, включившись в международную кампанию по польскому вопросу. Исследователь деятельности ЦРУ Б. Вудворд так описывал позицию лидеров Белого дома и ЦРУ в разгар обострения внутренней ситуации в Польше: «Тэрнер (*директор ЦРУ – А. Б.*) предсказывал, что Советы вторгнутся в Польшу под предлогом военных маневров… В США все находились в состоянии повышенной готовности. Бжезинский (*советник президента Дж. Картера по национальной безопасности – А. Б.*) начал открытую кампанию, чтобы предупредить остальной мир и запугать Советы. Он засыпал Советский Союз косвенными, направленными через Францию и Индию дипломатическими предостережениями» [2, с. 58]. Двусторонние отношения под влиянием «приграничных» проблем резко обострились, на смену «эпохе разрядки» пришѐл очередной «виток роста международной напряжѐнности».

В отношении других регионов и стран мира по итогам Второй мировой войны строгого разделения на сферы интересов и зоны влияния не произошло. Каждая из сверхдержав пыталась зафиксировать свои интересы самыми широкими мерами и способами, особенно если в лозунгах и заявлениях местного режима удавалось найти признаки, идеологически удовлетворявшие Москву или Вашингтон. С 1960-х гг. одним

© Бирюков А. М., 2013

из таких районов мира, борьба за влияние на который постепенно приобрела геополитический характер, стал регион Ближнего и Среднего Востока.

Именно в эти годы стал очевиден провал в СССР целинной эпопеи, что привело Москву к насущной необходимости заняться товарными закупками хлеба, и масштаб этого процесса отчѐтливо указывал на сельскохозяйственные мощности США как источник решения проблемы. Вашингтон, имея все возможности воспользоваться ситуацией в своих экономических и политических интересах, тем не менее, пошѐл навстречу другой супердержаве. В этом решении можно увидеть реализацию нескольких геополитических концепций – это и пример «баланса сил» Г. Моргентау (две сверхдержавы, не переходя к прямому конфликту, взаимно сдерживают друг друга, заставляя развиваться качественно, а не количественно), и концепция «жизненного пространства» Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера, применимая к описанию сложившейся ситуации как концепция «жизненно необходимых пищевых ресурсов».

Начав в 1963 году закупать зерно в США, СССР в свою очередь оказался в уязвимом и политически двусмысленном положении, что подтвердилось введением Вашингтоном зернового эмбарго в ответ на ввод советских войск в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Советская валюта по завышенным ценам уходила в США, и эта «кровоточащая рана» советской экономики никак не могла быть залечена заявлениями о том, что Москва закупает у «главного противника» лишь кормовые виды пшеницы и других зерновых культур. Масштабы закупок были красноречивы – если в 1970-х гг. в США закупалось ежегодно примерно 20 млн т зерна при внутреннем производстве в 180 млн т, то в первой половине 1980-х гг. закупки выросли до 30-45 млн т ежегодно при том, что внутреннее производство выросло незначительно (до 200 млн т). Даже в условиях эмбарго СССР закупал в США основную часть своего импорта, но не напрямую, а через посредничество Канады и, соответственно, по ещѐ более высокой цене [1; 4].

Москва искала способ исправить эту ситуацию, и если отказаться от импорта зерна не удавалось, то можно было заставить США оказаться в сходной ситуации – столь же слабым звеном американской экономики была зависимость Вашингтона от нефтеимпорта, причѐм из региона Среднего Востока, где у Москвы с 1950-1960-х гг. были надѐжные политические позиции.

Народы стран нефтеносного Среднего Востока получали советскую поддержку в ходе борьбы за избавление от колониальной зависимости, а уже освободившиеся арабские режимы региона – в их противостоянии диктату «семи сестѐр» (наиболее крупных мировых нефтедобывающих корпораций). Ряд стран региона, идейно-политически наиболее близких Москве, начал получать из СССР и военно-техническую поддержку. Особую роль играли отношения СССР и ОРЕС – они развивались весьма причудливо и подчас противоречиво, но роль советского фактора в успехе этой организации и зависимых от неѐ арабских режимов в деле национализации собственной нефтепромышленности не вызывает сомнений. Как результат – шоковый для экономики стран Запада (и США в первую очередь) скачок мировых цен на нефть в первой половине 1970-х гг. В ответ на применение США «зернового оружия» СССР ответил не менее эффективным «нефтяным оружием», причѐм эффективность и размах его применения оказались значительно шире и глубже.

Стоит указать, что Вашингтон не раз пытался найти меры по ослаблению советского нефтяного влияния на мировую политику, и наряду с применением «зернового эмбарго» следует указать на такие шаги, как обращение к лозунгу «разрядки международной напряжѐнности», с одной стороны, и начало «борьбы за права человека» – с другой.

Администрация президента Р. Никсона предприняла ряд удачных мер по смягчению усложнившейся для Вашингтона международной обстановки, причѐм мер комплексного характера. В первую очередь началась политика разрядки, минимизировавшая наметившийся односторонний рост военно-политического влияния СССР в мире (одновременно в СССР начинал изнутри размываться принципиально важный для единства партии, народа и государства образ «внешнего врага» в лице американской военной угрозы). Важную роль сыграло и завершение неудачной, затянувшейся войны во Вьетнаме (еѐ окончание положило начало постепенному оздоровлению отношений между правительством и гражданским обществом и создало возможность переброски значительных военных сил США из региона Юго-Восточной Азии в бассейн Персидского залива). Одно направление геополитики США менялось на другое, с «географического» (контроль за морскими транспортными коридорами из Индийского в Тихий океан) на «сырьевое» (контроль за основными месторождениями углеводородов).

Как представляется, политика республиканцев была достаточно эффективной и могла в условиях разрядки международной напряжѐнности дать значительный эффект в «мирном соревновании» мировых лидеров. Однако еѐ проведение оказалось прервано новым подходом к американо-советским отношениям администрации президента Джеймса Картера, предполагавшим ослабление СССР на мировой арене путѐм постоянных обвинений Москвы в нарушении прав человека и в особенности в вопросе о праве свободного выезда советских евреев в Израиль. Таким образом, Никсон осторожно выстраивал отношения с СССР, исходя из сильных сторон советского государства, а Картер предпочѐл сразу ударить по слабым и в результате добился резкой реакции Кремля прямо противоположного свойства (например, в виде полного закрытия эмиграции в Израиль).

Действительно, новая форма противостояния США и СССР прямо сказалась на проблемах арабо-израильского противостояния. Если бы Кремль пошѐл на облегчение условий эмиграции евреев в Израиль, то это бы крайне негативно отразилось бы на вполне твѐрдом положении СССР в регионе Ближнего и Среднего Востока. Представители израильской спецслужбы «Натив», занимавшейся легальным и нелегальным выездом евреев из разных стран на «историческую родину», трактовали советскую позицию так: «против открытия каналов эмиграции решительно выступали представители арабских стран и ООП, поскольку массовый приезд в Израиль репатриантов из СССР нарушал демографический баланс в этой стране в пользу

Израиля») [6]. Фактически претензии Картера к Москве носили провокационный характер – снятие ограничений по еврейской эмиграции настроило бы против СССР арабские и мусульманские режимы и одновременно улучшило бы положение Израиля. Это проявилось после ввода советских войск в Афганистан – ряд мусульманских военно-террористических организаций действительно ослабил давление на Израиль, переориентировавшись на защиту ценностей ислама от «шурави» и властей ДРА. Ситуация для СССР постепенно осложнилась – одни арабские режимы поддерживали Москву (в вопросе о сохранении запрета еврейской эмиграции), другие требовали антисоветского джихада.

Москва решила ответить на действия администрации Картера активным участием в политических проблемах не только Ближнего, но и Среднего Востока, и в первую очередь в Иране и Афганистане.

В сознании иранцев, недовольных жѐстким режимом шаха, именно США несли значительную долю ответственности как за многочисленные нарушения прав человека и массовые репрессии, так и за вызывавшие недовольство части населения (и в первую очередь мусульманского духовенства) социально-экономические реформы. Социальная напряжѐнность в стране росла, однако ни президентская администрация, ни ЦРУ этого не заметили и допустили серьѐзный просчѐт – как выяснилось, развитие революционной ситуации в Иране не рассматривалось даже как вариант [2, с. 97-98]. В СССР же к ситуации в этой стране отнеслись противоположным образом. Первое главное управление (внешняя разведка) КГБ провело анализ открытых и секретных источников о положении в этой стране, и в результате «в августе-сентябре 1978 года ПГУ пришло к выводу, что дни монархии в Иране сочтены. Прогноз подтвердился, произошла исламская революция» [8, с. 100].

СССР последовательно проводил политику противостояния американским интересам и поддерживал деятельность Народной партии Ирана (Туде), зарекомендовавшей себя с патриотических и демократических позиций ещѐ в период «борьбы за национализацию нефтяной промышленности» начала 1950-х гг. Партия приняла активное участие в первой, антишахской, революции 1979 года и была активна в вооруженных силах Ирана, особенно в ВМФ.

Очевидно, что «иранский проект» Москвы предполагал – как вариант – ввод советских войск в охваченный волнениями Иран [Там же, с. 127]. Предполагалось, что это произойдѐт или по приглашению верхушки Туде, или под лозунгом защиты от угрозы гражданской войны «братского народа» иранского Азербайджана. Несомненно, это был отзвук сталинских планов советизации этой территории в 1945-1946 гг., более того – о подобных же разработках советского Министерства обороны рубежа 1950-1960-х гг. сообщал на Запад известный шпион, полковник ГРУ О. Пеньковский [9, с. 13-14].

Революция в Иране била и по главному союзнику США в регионе Ближнего Востока – Израилю; борясь за региональное лидерство с Ираком, Тегеран давно негласно поддерживал Израиль, для которого Ирак был одним из главных врагов [5, с. 428] и одновременно – одним из дружественных Москве арабских режимов региона Персидского залива. Исходя из этого, представители ЦРУ и президентской администрации Р. Рейгана попытались обернуть к своей пользе ситуацию в регионе, начав через Израиль продавать Тегерану вооружения (это, однако, спровоцировало в самих США политический скандал «Ирангейт»).

Таким образом, иранская революция стала своеобразным универсальным козырем в стратегическом противостоянии сверхдержав на Среднем Востоке, но если США в значительной степени потеряли контроль (на время) за ситуацией в Заливе, то СССР через растущую военно-политическую помощь Ираку (в условиях ирано-иракской войны) свои позиции, скорее, усилил – например, начав транспортировку иракской нефти советскими танкерами в период т.н. «танкерной войны».

Иначе развивались события в другом районе Персидского залива. Наряду с особыми связями с шахским Ираном США старательно развивали отношения с королевской Саудовской Аравией. Особую роль в отношениях Эр-Рияда и Вашингтона сыграла судьба Арабо-американской нефтяной компании (Арамко) – возникнув изначально под красноречивым названием *Californian-Arabian Standard Oil Company* (CASOC), она в 1944 г. была переименована и постепенно выкуплена саудовским правительством путѐм скупки акций (процесс постепенной национализации был завершѐн в 1980 г.). Тем не менее, компания осталась своеобразным «коридором», по которому саудовские интересы могли проникать непосредственно в экономику США [11, p. 45].

Эр-Рияд активно закупал в США современное дорогостоящее оружие, а затем, реэкспортируя долларовую массу, полученную от продажи нефти, в экономику США (в основном через приобретение пакетов акций предприятий), вскоре стал стратегически важным союзником Вашингтона не только политически, но и экономически. Это постоянно поддерживало высокий уровень интереса Вашингтона к аравийскому государству и обуславливало высокий уровень заботы о его благополучии; со временем это стало не менее важным фактором отношений Запада и Саудовской Аравии, чем собственно зависимость от потребления и продажи нефти соответственно.

СССР, продавая на рубеже 1970-1980-х на мировом рынке до 700 млн баррелей нефти ежегодно и добывая в 7 раз больше, тем самым перекрывал показатели Саудовской Аравии. Это воспринималось Эр-Риядом как реальная угроза и подталкивало его к поддержке действий США в регионе [12], хотя на деле серьѐзной конкуренции между двумя нефтепроизводителями на мировых рынках сбыта не возникало. Теоретически Москва могла резким усилением нефтедобычи спровоцировать падение нефтяных мировых цен, что ударило бы и по ОРЕС, и по Саудовской Аравии, но это неизбежно ударило бы в итоге по самим советским интересам и неминуемо толкнуло страны региона в объятия США; Запад повысил бы свой экономический потенциал закупками дешѐвой нефти. Когда же сама Саудовская Аравия рискнула пойти по этому пути (в 1985 г.), стремясь увеличением добычи обеспечить хотя бы временно большую прибыль, она совершенно уверенно рассчитывала не только на свои золотовалютные авуары, но и на мощную политическую и экономическую

поддержку Вашингтона. Тот увидел в этом верное средство успешно использовать «нефтяное оружие» против Москвы (резко сокращались советские валютные доходы).

Значительно сложнее обстояли дела с Афганистаном. Долгое время Советский Союз был заинтересован в стабильности на своей южной границе, и только очень сильные и реальные угрозы могли подтолкнуть советское руководство конца брежневской эпохи к принятию силовых мер в соседней стране. Есть интересное свидетельство реакции Москвы на возможное усиление интереса США к Афганистану – «с геополитической точки зрения Москву к такому шагу подталкивали Соединѐнные Штаты. Кстати говоря, я помню, как в ноябре 1979 года, за месяц до вторжения советских войск, лектор аппарата ЦК КПСС..., развернув карту Центральной Азии и СССР, демонстрировал, как на Гиндукуше будут расставлены американские ракеты, в зоне досягаемости которых окажется Рига, Новосибирск, Иркутск и так далее. Американцы приложили руку к созданию атмосферы страха перед вмешательством Вашингтона в афганские дела, и многие наши пропагандисты охотно этот тезис подхватывали и тиражировали на всю страну. Опасения утратить афганскую инициативу в пользу американцев, в итоге, тоже подтолкнули советское руководство к открытому вмешательству» [3]. З. Бжезинский в интервью французскому журналу «Нувель обсерватѐр», откровенно озаглавленному «Как Джимми Картер и я дали старт моджахедам», разъяснил: «В тот день, когда Советы официально пересекли границу, я написал президенту Картеру: у нас теперь есть возможность обеспечить СССР его собственной вьетнамской войной» [10]. Можно утверждать, что власти США в ответ на усиление советских позиций в нефтеносном регионе разработали свой «афганский проект», реализация которого неминуемо вынудила бы СССР переключить внимание с проблем Персидского залива на проблемы своего южного соседа. Скачок нестабильности в ДРА, спровоцированный политикой Хафизуллы Амина, позволил советским пропагандистам охарактеризовать этого афганского лидера как агента ЦРУ.

В этой ситуации именно глава КГБ Ю. В. Андропов оказался наиболее последовательным сторонником ввода советских войск в Афганистан. Вместо того чтобы постараться решить афганскую проблему принудительной сменой лидера Народно-демократической партии Афганистана, Москва пошла на ввод войск, хотя реализация сходных планов «иранского проекта» (в случае успеха) дала бы, возможно, больше шансов на установление плотного советского контроля за Афганистаном. Смена советским руководством приоритетов проявилась в глубоком втягивании СССР в афганскую проблему, а стремление ряда арабских стран-членов ОРЕС ослабить СССР как заметного конкурента в мировой торговле нефтью подкрепило и без того значительные усилия США по разжиганию войны в Афганистане. Постепенно к афганской проблеме подключались всѐ новые участники – так, пакистанский диктатор Зия-уль-Хак увидел в транзите оружия для моджахедов через свою территорию рычаг воздействия на США в своих интересах и предложил Вашингтону себя в качестве стратегического партнѐра в регионе Среднего Востока. Это решение было вызвано тем, что в ходе длительной борьбы за региональное лидерство между Исламабадом и Дели Москва традиционно поддерживала позицию Республики Индия как политически, так и военно-технически, что придало и этой проблеме региональный геополитический характер.

К афганской проблеме стали проявлять интерес и другие ведущие страны мира – так, руководство КНР волновала проблема Ваханского прохода [7, с. 106-107], через который с территории ДРА был возможен выход в Западный Китай волны исламского влияния, набиравшего силу в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, населѐнном преимущественно мусульманами. Фактически уже в первые годы советского военного присутствия в ДРА началась интернационализация афганской проблемы, последующее решение которой потребовало совместных усилий ООН и властей Афганистана, Пакистана, США и СССР.

Следовательно, именно с территории Среднего Востока по геополитическим интересам СССР был нанесѐн сильнейший экономический удар, обернувшийся вскоре тяжѐлыми политическими последствиями – не случайно последующие события, и в первую очередь распад СССР, были охарактеризованы как «***крупнейшая геополитическая катастрофа*** века». Как представляется, Москва не случайно держала наготове несколько десятилетий «иранский проект» как возможный способ обеспечения военно-политического присутствия советских интересов на Среднем Востоке. Однако афганские события привели к переносу внимания Москвы на проблемы другого государства указанного региона, чем умело воспользовались Вашингтон и его союзники в Персидском заливе. Опыт советского военно-политического присутствия в ДРА был Вашингтоном оставлен без внимания, что стало одной из причин провала уже американской политики в Афганистане.

Таким образом, можно констатировать, что обе сверхдержавы в борьбе за мировое лидерство использовали геополитические инструменты – разделив значительную часть мира на «зоны влияния», на «сферы интересов» и установив военно-политический «баланс сил», США и СССР в 1970-х – начале 1980-х гг. в борьбе за контроль над «третьим миром» не раз прибегали к воздействию на слабые места друг друга, и особенно эффективно – методами политического фехтования «жизненными потребностями» в сырье. В этот процесс оказались полностью или частично втянуты многие страны мира, и наиболее заметно и значимо эта борьба проявилась в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Список литературы

1. **Акдоган Е.** Почему СССР начал массовые закупки американского зерна? [Электронный ресурс]. URL: http://newsland.com/news/detail/id/606187/ (дата обращения: 05.09.2012).
2. **Вудворд Б.** Признание шефа разведки. М.: Политиздат, 1990. 480 с.
3. **Коргун В.** Советский Союз максимально долго пытался воздерживаться от ввода войск [Электронный ресурс]: интервью сайту МГИМО(У). URL: http://www.mgimo.ru/afghan/134117.phtml (дата обращения: 13.07.2013).

4. **Леонов А.** Зерновой диктат [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/zernovoj_diktat_725.htm (дата обращения: 22.02.2013).
5. **Млечин Л.** Моссад: тайная война. М.: Центрполиграф, 2000. 491 с.
6. **Пассик Я.** «Натив»: прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. URL: http://nativ.h12.ru/ (дата обращения: 26.12.2012).
7. **Соловьѐв В., Клепикова Е.** Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева. М.: Московский центр искусств, 1991. 304 с.
8. **Шебаршин Л. В.** Рука Москвы. М.: Центр-100, 1992. 472 с.
9. **Шектер Дж., Дерябин П.** Шпион, который спас мир. Как советский полковник изменил курс «холодной войны». М.: Международные отношения, 1993. Кн. 2. 280 с.
10. **Brzezinski Z.** How Jimmy Carter and I Started the Mujahideen [Электронный ресурс]. URL: http://www.counterpunch.org/brzezinski.html (дата обращения: 17.10.2012).
11. **Gawdat B.** American Oil Diplomacy in the Persian Gulf and the Caspian Sea. Gainesville: University Press of Florida, 2003. 213 p.
12. **Maass P.** The Triumph of the Quiet Tycoon [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2004/08/01/magazine/the-triumph-of-the-quiet-tycoon.html?pagewanted=4&src=pm) (дата обращения: 01.11.2012).

GEOPOLITICAL ASPECTS OF THE US-SOVIET CONFRONTATION IN THE NEAR AND MIDDLE EAST (THE 1970S – THE BEGINNING OF THE 1980S)

Biryukov Aleksei Mikhailovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Moscow State Regional Social-Classical Institute
alexbrk@mail.ru

The article discusses the geopolitical aspect of the process of the US-Soviet struggle for the world leadership in the 1970s – at the beginning of the 1980s by the example of the interests collision of two countries in the Near and Middle East. The so-called ―Iranian" and ―Afghan" projects, by which implementation the superpowers planned to defend their interests in the Persian Gulf, are considered. The geopolitical interests of other countries in this region are analyzed.

Key words and phrases: the US-Soviet confrontation; geopolitical rivalry; the Iranian revolution; war in Afghanistan; necessities of life; power balance.

УДК 330.322:34(477)
Юридические науки

В данной статье рассмотрены вопросы административно-правового режима осуществления инвестиционной деятельности. Обосновывается тезис о том, что административно-правовые режимы по причине их подробного регламентирования и в некоторых случаях общеобязательного характера являются определенным вмешательством в сферу основных прав и законных интересов граждан. Однако проведенное исследование позволяет утверждать, что их наличие оправдывается необходимостью достижения высшей цели – защиты прав и свобод граждан и обеспечения безопасности их жизнедеятельности.

Ключевые слова и фразы: инвестиции; право; инвестиционная деятельность; государство; административное право.

Блихар Мария Мироновна, к.э.н.
Национальный университет «Львовская политехника», Украина
blikharm@ukr.net

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ©

Изучая проблематику административно-правовых режимов, авторы обычно говорят о режиме чрезвычайного положения, режиме военного положения, режиме обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, режиме государственной границы, таможенном режиме, режиме государственной тайны [3, с. 109-119]. Необходимость института административно-правовых режимов в обозначенной сфере деятельности государства обусловливается главным образом наличием существующих внешних и внутренних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства [7, с. 28]. Возникновение и объективная необходимость существования административно-правовых режимов, направленных на защиту государственных интересов, согласуется с тезисом теоретика права А. В. Мелехина: «С тех пор как право приобрело национальный характер, закон в силу его связей с верховной властью государства можно рассматривать как проявление государственного суверенитета» [6, с. 286].

© Блихар М. М., 2013